
Евгений Третьяков
Собака идет рядом
18+

Евгений Третьяков

Собака идет рядом

https://litres.ru/74746502
SelfPub; 2026

Аннотация

Мир ослеп. Люди бегут, смотрят в экраны и не замечают, как рядом проходят ангелы. Лера — потомственный ангел, но она об этом не знает. Пока не видит то, чего не видят другие: свет над плечом незнакомки, стену с ангелом на заброшенной стройке и серую дворнягу, которая идёт рядом.

Шаг за шагом она учится видеть — чужие дороги, чужие повороты, чужую жизнь. И понимает главное правило: ангел спасает — и уходит. Иначе это не спасение, а плен.

Тихая мистическая драма о том, как трудно не спать. И о том, что ангел — это не тот, кто видит. Ангел — это тот, кто рядом.

Содержание

Собака идет рядом 5
Пролог. Мир не видит 5
Тот, кто держит 7
Пыль и свисток 12
На теплоходе 16
Конец ознакомительного фрагмента. 21

Евгений Третьяков
Собака идет рядом

Собака идет рядом

Пролог. Мир не видит

Время ускорилось. Никто не заметил, когда это случилось. Просто в какой-то момент люди перестали смотреть по сторонам. Они шли — быстро, целеустремлённо, — и у каждого была цель. Сдать отчёт. Купить хлеб. Успеть на автобус. Позвонить маме. Написать сообщение. Поставить лайк. Они бежали, и бег этот был таким плотным, таким громким, что в нём не оставалось места для тишины. А без тишины — не услышать. Без паузы — не увидеть.

Ангелы ходили среди них. Не прятались. Просто шли — рядом, плечом к плечу, — и никто их не замечал. Потому что люди разучились замечать. Они смотрели в телефоны. В экраны. В свои мысли. Они смотрели сквозь — и не видели.

Иногда кто-то всё же поднимал голову. И тогда — на долю секунды — в толпе мелькало что-то. Свет. Тень. Взгляд. Но человек моргал, тряс головой и шёл дальше. Потому что некогда. Потому что показалось. Потому что если рассказать — не поверят. А если поверят — что тогда? Что делать с ангелом в мире, где всё расписано по минутам?

Так ангелы и жили. Среди людей. Невидимые. Не потому что скрывались — а потому что мир ослеп.

И только собаки их видели. Собаки всегда видели.

Тот, кто держит

Лера стояла у окна в институтском коридоре и смотрела на улицу. За стеклом шёл дождь — мелкий, частый, — и люди бежали по тротуару, подняв воротники, не глядя друг на друга. Кто-то толкнул кого-то, не извинился, пошёл дальше. Кто-то уронил зонт, поднял, выругался. Кто-то стоял на переходе и смотрел в телефон, не замечая, что зелёный уже загорелся.

Лера смотрела на них и чувствовала, как внутри что-то ноет. Тихо, ровно, без слов. Будто она забыла что-то важное — и не может вспомнить что.

— Ты чего зависла?

Она обернулась. Дима. Её парень — уже полгода, если считать от первого сообщения в мессенджере. Он стоял рядом, с рюкзаком на одном плече, и улыбался той самой улыбкой, которую она когда-то сочла тёплой. Теперь она знала: это просто мышцы. Привычка. Он улыбался всем одинаково — продавщице, преподавателю, ей. Улыбка была удобная. Как и он сам.

— Ничего, — сказала она. — Задумалась.

— Пойдём, а то на пару опоздаем. — Он взял её за руку. Пальцы были тёплые, сухие, уверенные. Он всегда знал, куда идти. Всегда знал, что сказать. Всегда знал, как сделать так, чтобы всё было нормально. — Ты сегодня какая-то странная,

кстати.

— Странная?

— Ну, молчишь всё время. Смотришь в окно. — Он пожал плечами. — Может, болеешь? Или поссорились с кем?

— Нет. Просто... — Она замолчала. Хотела сказать «просто мне кажется, что я что-то должна, но не помню кому». Но это было слишком. Слишком странно. Слишком неудобно. — Просто устала.

— Ну вот, — сказал он удовлетворённо. — А я говорил: надо больше спать. Пойдём.

Он потянул её за собой. Она пошла. Потому что так было проще. Потому что он был удобный. Потому что если не идти — придётся объяснять, почему не идёшь. А объяснять было нечего. Она сама не знала.

Дома у Леры было тихо. Не пусто — тихо. Квартира была маленькая, но в ней всё стояло на своих местах — и не так, как у других.

У окна — старое кресло с продавленным сиденьем, накрытое вязаным пледом. Плед был не новый, с торчащими нитками, но Лера его любила. В нём было что-то, чего она не могла объяснить. Тепло. Будто кто-то когда-то сидел в этом кресле и смотрел в окно — долго, спокойно, никуда не спеша.

На подоконнике — три камешка. Гладкие, серые, обточенные водой. Она подобрала их на речке, много лет назад. Не помнила, зачем. Просто подобрала — и они остались.

Иногда она брала их в руки, перекатывала в ладонях, и ей казалось, что она слышит воду. Тихую, спокойную. Ту самую.

На стенах — ни фотографий, ни картин. Только одна полка, и на ней — старые книги без названий на корешках. Лера не помнила, откуда они. Но когда ей было плохо, она открывала одну — любую — и читала. Слова были странные, не всегда понятные, но от них становилось легче. Будто кто-то говорил с ней на языке, который она забыла, но всё ещё помнила.

И ещё — лампа. На столе. Без абажура. Просто голая лампочка на железной ножке. Она горела ровно, спокойно, без мерцания. Дима говорил: «Купи нормальную, а то как в допросной». Лера не покупала. Ей нравилось, как свет ложится на стол — жёстко, честно, без полутонов.

Вечером они сидели в кафе — том самом, шумном, с музыкой. Дима рассказывал про какую-то работу, которую ему предложили, про перспективы, про то, как они «всё смогут, если захотят». Лера кивала. Смотрела в чашку. Слушала — и не слышала.

А потом — краем глаза — увидела.

За соседним столиком сидела женщина. Немолодая, в сером пальто, с усталым лицом. Она пила чай и смотрела в окно. И рядом с ней — на секунду, на долю секунды — Лера увидела свет. Не яркий. Не слепящий. Просто свет — ровный, тёплый, будто кто-то стоял за спиной женщины и держал ладонь над её плечом.

Лера моргнула. Свет исчез. Женщина осталась. Просто женщина, просто чай, просто окно.

И тогда женщина повернулась.

Не резко — медленно, будто почувствовала взгляд. Посмотрела на Леру. Долго. И в её глазах не было удивления. Только что-то тихое, усталое — и в то же время тёплое. Будто она знала, что Лера её видит. Будто ждала этого.

Лера замерла. Чашка в её руках дрогнула.

— Ты меня слушаешь? — спросил Дима.

— Да, — сказала она. — Конечно.

Но не отвела глаз. И женщина не отвела. Они смотрели друг на друга через шум зала, через музыку, через людей — и в этом взгляде было что-то, чего Лера не могла объяснить. Не страх. Не любопытство. Что-то старше. Что-то, что было в ней всегда — и только сейчас проснулось.

Женщина чуть улыбнулась. Одними губами. И — очень медленно — подняла руку. Не помахала. Просто подняла ладонь — открытую, пустую, — и подержала секунду. Будто показывала: смотри, у меня ничего нет. Я не причиню вреда.

Лера хотела ответить. Хотела поднять свою руку. Но тело не слушалось. Руки лежали на столе, и пальцы сжимали чашку так, что побелели костяшки.

Женщина опустила ладонь. Взяла свою чашку. Допила чай. Встала. Надела пальто — медленно, не спеша, будто давая Лере время. Потом прошла мимо их столика — близко, почти касаясь плечом, — и на секунду Лера почувствовала

тепло. Не от пальто. От неё. Тихое, ровное, как от той лампы без абажура.

Женщина вышла. Дверь кафе закрылась. Дима всё ещё рассказывал про перспективы.

Лера посмотрела на свою чашку. Чай остыл. И где-то глубоко, под рёбрами, там, где ныло, — стало тихо. И тепло. Будто кто-то рядом вздохнул. И не ушёл.

Дома она долго не могла уснуть. Лежала, смотрела в потолок. Дима спал рядом — ровно, спокойно, без снов. Он всегда спал без снов. Говорил, что ему ничего не снится. Она раньше думала: как хорошо. Теперь думала: как странно.

Она встала. Подошла к окну. Во дворе под фонарём стояла собака. Серая дворняга, обычная, с умными глазами. Сидела и смотрела прямо на её окно. Не лаяла. Не скулила. Просто смотрела.

Лера замерла. Собака смотрела долго — слишком долго для простой дворняги. А потом встала. Отряхнулась. И ушла — не оглядываясь, в темноту между фонарями.

Лера ещё минуту стояла у окна. Потом вернулась в постель. Дима не проснулся. Он никогда не просыпался.

Она лежала и думала: что это было?

И где-то глубоко, под рёбрами, там, где ныло, — что-то отозвалось. Тихо. Тепло. Будто кто-то рядом вздохнул.

Пыль и свисток

Зал был старый. Потолок высокий, с трещинами, и в них десятилетиями копилась пыль. Пыль висела в воздухе — мелкая, серая, — и в свете ламп она казалась золотой. Лера любила этот свет. Любила, как он ложился на площадку, как дрожал, когда кто-то бежал. Любила запах — резины, пота и старого паркета. Любила свисток. Резкий, короткий, как удар.

Она играла в волейбол с детства. Не потому что хотела быть лучшей. Просто мяч летел — и она летела за ним. Тело знало, что делать. Руки тянулись. Ноги отталкивались. И в этом не было ничего, кроме полёта. Никаких мыслей. Никаких «надо». Просто мяч. Просто полёт. Просто она.

Финал. Последняя игра за первое место. Зал был полон — не только свои, но и чужие. Трибуны гудели. Свисток. Подача. Мяч взлетел — высоко, почти к потолку, — и Лера пошла к сетке. Всё было правильно. Всё было как всегда. Она прыгнула. Мяч был близко. Ладонь открыта. Ещё чуть-чуть — и удар.

И тогда — свет. Не тот, к которому она привыкла. Не золотой. Белый, ровный, будто кто-то открыл дверь в другую комнату. На долю секунды — только на долю секунды — она увидела: за сеткой, на трибуне, сидит собака. Серая дворняга, обычная, с умными глазами. Смотрит на неё. И в этом

взгляде — что-то, от чего Лера остановилась. Не испугалась. Просто замерла. Как будто кто-то позвал её по имени — и она обернулась.

Мяч пролетел мимо.

Она приземлилась неудачно — нога подогнулась, колено хрустнуло, — и упала. Не на пол. На бок. Пыль взметнулась вокруг неё — серая, мелкая, — и в этой пыли было так тихо, что она услышала, как стучит сердце. Своё. Чужое. Всё сразу.

Свисток. Свисток. Свисток. Судья поднял руку. Трибуны выдохнули — не разом, а по очереди, — и в этом выдохе было всё: разочарование, досада, злость. Команда проиграла. Из-за неё. Из-за того, что она засмотрелась на собаку.

В раздевалке было тихо. Слишком тихо. Девчонки сидели на скамейках, смотрели в пол. Кто-то снял кроссовки и не надел обратно. Кто-то держал бутылку с водой и не пил. Лера сидела в углу, прижимая лёд к колену. Лёд жёг. Колено ныло. Но это было ничто по сравнению с тем, что было внутри.

Она не плакала. Не могла. Слёзы стояли где-то в горле, комом, но не шли. И это было хуже. Потому что если бы она заплакала — стало бы легче. А так — она просто сидела и смотрела, как тает лёд, и чувствовала, как что-то внутри сжимается. Медленно. Крепко. Как кулак.

Тренер вошёл. Молча. Посмотрел на них — на всех сразу, — и сказал только:

— Ничего. Бывает.

И вышел. И это «бывает» было хуже любого крика. Потому что оно означало: я не злюсь. Я просто разочарован. А разочарование — это когда тебя уже не спасают. Когда тебя просто оставляют на дне.

Девчонки начали расходиться. Кто-то похлопал её по плечу — коротко, не глядя. Кто-то сказал «не переживай» — тем самым голосом, которым говорят «я не знаю, что сказать». Кто-то просто прошёл мимо. И Лера осталась одна. С льдом. С коленом. С тишиной.

Дома она долго сидела на полу в коридоре — просто на холодном линолеуме, прижавшись спиной к стене. Колено ныло. Лёд давно растаял, вода стекала по ноге, но она не вытирала. Просто сидела.

Квартира была тихой. Той самой тишиной, которую она любила. Но теперь эта тишина была другой. Не спокойной. Давящей. Будто кто-то стоял за спиной и ждал, когда она что-нибудь сделает. Что — она не знала.

Она посмотрела на полку. На книги без названий. На камешки на подоконнике. На лампу без абажура. Всё было на месте. Но что-то было не так. Она чувствовала это телом — тем самым, которое только что упало. Будто что-то сломалось не в колене, а глубже. Там, где было тепло. Теперь там было пусто. Холодно. И это было хуже, чем боль.

Она закрыла глаза. И почти сразу — зал. Пыль. Свет. И собака. Та самая. Серая, с умными глазами. Смотрит на неё. И в этом взгляде нет ни укора, ни жалости. Только что-то

тихое. Терпеливое. Будто она знает: Лера ещё вернётся. Не в зал. Куда-то ещё.

Лера открыла глаза. Коридор. Стена. Линолеум. Всё на месте. И где-то глубоко, под рёбрами, там, где было пусто, — что-то шевельнулось. Не больно. Тепло. Как тогда, в кафе. Как тогда, с женщиной. Будто кто-то рядом вздохнул. И не ушёл.

На теплоходе

Дима позвонил утром. Голос был бодрый, чуть торжественный — тот самый голос, которым он сообщал о «перспективах».

— У меня идея. — Пауза. Он явно ждал, что она спросит. Она не спросила. — Теплоход. Маленький, прогулочный. По реке. Час туда, час обратно. Город с воды — совсем другой вид. Я подумал, тебе надо проветриться. После... ну, ты поняла.

Она поняла. Он хотел сказать «после твоего провала», но постеснялся. Или поленился. Или просто не знал, как это называется.

— Хорошо, — сказала она.

— Отлично! — Он обрадовался так, будто она согласилась на что-то грандиозное. — В шесть у причала. Я всё узнал.

Теплоход был маленький. Белый, с синей полосой по борту, с открытой палубой наверху и лавками внизу. На палубе стояли пластиковые стулья — неудобные, но Лере было всё равно. Она села у самого борта, положила руки на прохладные перила и стала смотреть.

Дима сел рядом. Он был в новой куртке — она заметила, но не сказала. Он явно готовился. Даже побрился. И пахло от него чем-то свежим, дорогим, незнакомым.

— Ну как? — спросил он, когда теплоход отчалил. — Красиво, да?

Лера не ответила. Она смотрела.

Город с воды был другим. Не тем, который она знала — с улицами, перекрёстками, спешащими людьми, — а целым. Дома стояли у самой кромки, отражались в воде, и отражения дрожали, когда мимо проходил катер. Мосты выгибались над рекой, и под ними было темно и тихо, как в другой комнате. На набережной горели фонари — ещё не все, только некоторые, — и их свет ложился на воду длинными, ровными полосами.

А выше — небо. Оно было серое, но не тяжёлое. Скорее прозрачное. И в нём медленно гасли облака, будто кто-то задувал свечи.

Лера смотрела и чувствовала, как внутри что-то отпускает. Не резко. Медленно. Как будто кто-то разжимал кулак — палец за пальцем. Тот самый кулак, который сжался в раздевалке. Тот самый, который держал её на дне.

Она не думала о проигрыше. Не думала о команде. Не думала о тренере, который сказал «бывает». Она просто смотрела на воду — и вода смотрела на неё. Тихо. Спокойно. Без укора.

— Смотри, — сказал Дима. Он показывал на что-то вдали — кажется, на церковь с золотым куполом. — Красиво, правда? Я читал, что её построили в позапрошлом веке. Представляешь, сколько она всего видела?

Лера кивнула. Купол действительно был красивый. Но её больше заворожило другое: как свет от купола отражался в воде — не золотом, а каким-то тёплым, почти домашним. Будто кто-то поставил на воду лампу без абажура.

— Ты чего молчишь? — спросил Дима. — Я думал, тебе понравится.

— Понравилось, — сказала она. И это было правдой. Только не то, что он думал.

Он вздохнул — коротко, почти незаметно, — и отвернулся. Он ждал другого. Он ждал, что она скажет: «Спасибо, Дима, это было здорово, ты такой внимательный». Он ждал, что она посмотрит на него так, как смотрят на того, кто спас. Но она смотрела на реку.

И в этом взгляде не было его.

Теплоход шёл медленно. Мимо проплывали дома, деревья, редкие прохожие на набережной. Кто-то махал им рукой — дети, наверное, — и Лера махнула в ответ. Просто так. Не думая. И в этом жесте было что-то, чего она давно не чувствовала. Легкость. Будто она снова могла лететь за мячом. Только теперь мяч был — весь этот город. И она летела.

Она посмотрела вниз, на воду. Тёмная, неподвижная, с пятнами света от фонарей. И на секунду — на долю секунды — ей показалось, что в отражении, рядом с её лицом, мелькнула серая тень. Собака. Или просто облако. Она подняла глаза — никого. Только Дима рядом. Только город. Только вода.

И тогда — впервые за много дней — она выдохнула. Долго. Медленно. Будто выпустила из себя что-то, что держало её все эти дни. Кулак разжался. Пустота под рёбрами — не заполнилась, нет. Но стала тише. Спокойнее. Как вода, когда по ней перестают бить вёслами.

— Знаешь, — сказала она, не оборачиваясь, — я, кажется, в порядке.

Дима оживился.

— Правда? — Он подвинулся ближе. — Вот и отлично! Я же говорил, надо проветриться. А то сидишь там, в своей квартире, как... — Он запнулся, подбирая слово. — Как в скворечнике.

Она улыбнулась. Не ему. Просто улыбнулась.

— Как в скворечнике, — повторила она. — Да.

Он не понял, что она смеётся не над ним. Он вообще редко понимал, над чем она смеётся. Но он был рад, что она улыбается. И этого ему было достаточно.

Они сошли на берег, когда стемнело. Дима предложил пойти в кафе — «отметить», — но Лера сказала, что устала. Он не стал настаивать. Поцеловал её в щёку — сухо, быстро, — и ушёл. Он всегда уходил быстро. Как будто боялся, что если задержится, она скажет что-то, чего он не поймёт.

Она осталась на набережной. Стояла у парапета, смотрела на воду. Фонари горели ровно. Ветер был холодный, но не злой. Где-то за спиной шумел город — тот самый, который бежал и не замечал. Но здесь, у воды, было тихо.

И тогда она увидела.

Собака сидела на парапете — в нескольких шагах, — и смотрела на неё. Серая дворняга, обычная, с умными глазами. Не лаяла. Не подходила. Просто сидела и смотрела.

Лера не испугалась. Не удивилась. Будто ждала её.

— Привет, — сказала она тихо.

Собака склонила голову набок. И в этом жесте было что-то до того человеческое, что Лера вдруг поняла: это не просто собака. Это кто-то. Кто-то, кто знает больше, чем говорит.

— Ты за мной? — спросила она.

Собака встала. Отряхнулась. И пошла — не быстро, не медленно, — вдоль набережной. И Лера пошла за ней. Потому что ноги сами пошли. Потому что где-то глубоко, под рёбрами, там, где было пусто, — что-то отозвалось. Тепло. Тихо. Будто кто-то рядом вздохнул. И не ушёл.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.